

КОНЕЦЪ-ГОРБУНОКЪ.

РУССКАЯ СКАЗКА.

ВЪ ТРИ ЧАСТЯХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Х. ГИЦЦЪ.

1834.

КОНЕКЪ-ГОРБУНОКЪ.

РУССКАЯ СКАЗКА.

Сочиненіе Н. Ершова.

ВЪ ТРИ ЧАСТЯХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Х. ГИЩЕ.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы, по напечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, Іюня 4 дня 1854 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

КОНЕКЪ-ГОРБУНОКЪ.

Ч А С Т Ъ І .

«Начинается сказка сказываться...»

КОНЕКЪ-ГОРБУНОКЪ,

РУССКАЯ СКАЗКА.

За горами, за лѣсами,
За широкими морями,
Не на небѣ, — на землѣ,
Жилъ шарикъ въ одномъ селѣ.
У крестьянина три сына:
Старшій умный былъ дѣтина,
Средній сынъ и шакъ и сякъ,
Младшій вовсе былъ дуракъ.
Братья сѣли пшеницу,
Да возили подѣ сшолцу:
Знашь сшолца та была
Не далеко отъ села.
Тамъ пшеницу продавали,

Деньги счетомъ принимали,
И, съ шелъгою пусшой,
Возвращались домой.

Въ долгомъ времени, аль вскорѣ,
Приключилося имъ горе :
Кшо-то въ поле спалъ ходишь,
И пшеницу ихъ косишь.
Мужички такой печали
Ошъ рожденья не видали.
Спѣли думашъ да гадашъ —
Какъ бы вора имъ поймашъ,
И рѣшили вснародно :
Съ ночи той поочерѣдно
Полосу свою беречь,
Злаго вора подстеречь.

Только стало лишь смеркаться, —
Началъ старшій братъ сбираться,
Взять п вилы и шопоръ,
И опправился въ дозоръ.
Ночь непастиная настала;

На него боязнь напала,

И со страху нашъ мужикъ

Завалелся на сѣнникъ.

Ночь проходишь; день приходишь.

Съ сѣнника дозорный сходишь,

И обшедь избу кругомъ,

У дверей ссучишь кольцомъ.

«Эй! вы, сонныя шешери!

«Ошпирайше брашу двери;

«Подъ дождемъ я весь промокъ

«Съ головы до самыхъ ногъ.»

Брашья двери ошворили,

Караульнаго впустили,

Снаши спрашивашь его,

Не видалъ ли онъ чего.

Караульный помолился,

Вправо, влево поклонился,

И прокашлявшись, сказалъ:

«Цѣлу почепьку не спалъ;

«На мое жъ пришемъ несчасье,

«Было страшное ненастье,

«Дождь вошь шакъ ливня и лиль;

«Подъ дождемъ я все ходилъ ;

«Правда, было мнѣ и скучно,

«Впрочемъ все благополучно.»

Похвалилъ его отецъ :

«Ты, Данило, молодецъ !

«Ты вотъ такъ сказать примѣрно,

«Сослужилъ мнѣ службу вѣрно,

«То есть будучи при томъ,

«Не ударилъ въ грязь лицомъ.»

Снова начало смеркаться,

Средній сынъ пошелъ сбираться,

Взялъ и вилы и топоръ,

И отправился въ дозоръ.

Ночь холодная настала,

На него шоска напала,

Зубы начали плясать,

Онъ — ударился бѣжать,

И всю ночь ходилъ дозоромъ

У сосѣдки предъ заборомъ.

Только начало свѣтать,

У дверей онъ сталъ стучать.

«Эй! вы, сони! что вы спите?

«Брашу двери отоприте;

«Ночью страшный былъ морозъ,

«До костей я весь промёрзъ.»

Брашья двери отворили,

Караульнаго впустили,

Стали спрашивать его,

Не видалъ ли онъ чего.

Караульный помоллся,

Вправо, влево поклонился,

И сквозь зубы отвѣчалъ:

«Всю я почешьку не спалъ.

«Да къ моей судьбѣ несчастной,

«Ночью холодъ былъ ужасной,

«До костей меня пробралъ;

«Цѣлу ночь я проскакалъ,

«Слишкомъ было несподручно.

«Впрочемъ все благополучно.»

И ему сказать ошецъ:

«Ты, Гаврило, молодецъ!»

Спало въ претій разъ смеркашья,

Надо младшему сбираться ;
Онъ и усомъ не ведешъ ,
На печи въ углу поешъ
Изо всей дурацкой мочи :
«Расприкрасныя вы очи.»
Брашья ну его ругашъ ,
Спали въ поле посылашъ ;
Но сколь долго ни крпчали,
Только время пошеряли :
Онъ ни съ мѣста. Наконецъ
Подошелъ къ нему ошецъ ,
Говоришъ ему : «Послушай ,
«Ты поди въ дозоръ , Ванюша ,
«Я нашью тебѣ обновъ ,
«Дамъ гороху и бобовъ.»
Вошъ дуракъ съ печи слѣзаетъ ,
Шапку на-бокъ надѣваетъ ,
Хлѣбъ за пазуху кладешъ ,
И шапаяся пдешъ.

Ночь настала ; мѣсяцъ всходитъ ;
Поле все дуракъ обходитъ ,

Озираючись кругомъ,
И сядиша подъ кустомъ,
Звѣзды на небѣ считаешь,
Да краюшку убираешь.
Вдругъ на полѣ конь заржалъ
Караульный нашъ привсталъ,
Посмотрѣлъ сквозь рукавицу,
И увидѣлъ кобылицу.
Кобылица та была
Вся какъ зимній снѣгъ бѣла,
Грива точно золотая,
Въ мелки кольца завешая.
«Эхе-хе! такъ вошь какой
«Нашъ ворнишко, по пощой,
«Я нунишь вѣдь не умѣю,
«Разомъ сяду въ на шею.
«Внись, какая саранча!»
И минушу улуча,
Къ кобылицѣ подбѣгаешь,
За волнистый хвостъ хвещаешь,
И сядиша на хребетъ —
Только задомъ напередъ.

Кобылица молодая,
Задомъ, передомъ брыкая,
Понеслася по полямъ,
По горамъ и по лѣсамъ;
То заскачешъ, то забьешся,
То вдругъ крушо повернешся;
Но дуракъ и самъ не проситъ,
Крѣпко держишся за хвостъ.

Наконецъ она ушла.

«Ну, дуракъ, (ему сказала)
«Коль умѣлъ ты усидѣшь,
«Такъ шебѣ мной и владѣшь.
«Ты возьми меня съ собою,
«Да ухаживай за мною,
«Сколько можешь. Да смори,
«По шри ушрени зари
«Ошпускай меня на волю,
«Погуляшъ по чисту полю.
«Не простымъ корми овсомъ, —
«Бѣлояровымъ пшеномъ;
«Не озерной пой водою,

«Но медовою сышою.

«По исходѣ же трехъ дней,

«Двухъ рожу тебѣ коней,

«Да такихъ, какихъ на свѣтѣ

«Не бывало и въ примѣтѣ ;

«Еще претяго конька ,

«Росломъ только въ при вершка,

«На спинѣ съ двумя горбами,

«Да съ аршинными ушами.

«Первыхъ ты копей продай,

«Но конька не отдавай,

«Ни за лхонтъ, ни за злато,

«Ни за царскую палашу.

«Да смотри же не забудь :

«Только кони подроснутъ ,

«Не держи меня въ неволѣ

«А пусти на чистое поле.»

Ладно, думаетъ Иванъ ,

И въ наступшій балаганъ

Кобылицу загоняетъ,

Дверь рогожей закрываетъ,

И лишъ только разсвѣло,
Ошправляешся въ село,
Напѣвая громко пѣсеню:
«Ходилъ молодецъ на Прѣсеню.»

Вошъ онъ всходитъ на крыльцо,
Вошъ берешся за кольцо;
Что есть силы въ дверь спучишся,
Такъ что кровля шевелишся,
И кричишъ на весь базаръ,
Словно сдѣлался пожаръ.
Брашья съ лавокъ поскакали,
Зайкаяся, вскричали:
«Кто спучишся сильно такъ?»
— «Это я! Иванъ дуракъ!» —
Брашья двери ошворили,
Караульнаго впустили,
И давай его ругашъ, —
Какъ онъ смѣетъ такъ спучашъ.
А дуракъ нашъ, не снимая
Ни лапшей, ни малахая,
Ошправляешся на печь,